

Андрей Кивинов

Революция, которая жила на крыше

Часть сборника
Русская угроза (сборник)

Андрей Кивинов

**Революция, которая
жила на крыше**

«Автор»

2012

Кивинов А. В.

Революция, которая жила на крыше / А. В. Кивинов — «Автор»,
2012

ISBN 978-5-271-43017-6

«– Дедушка, а ты пойдешь со мной?– Нет, Игорек, в зал пускают только детей.
Я подожду на скамейке перед театром.– А я не хочу один.– Ты уже большой
мальчик, привыкай быть самостоятельным...»

ISBN 978-5-271-43017-6

© Кивинов А. В., 2012

© Автор, 2012

Андрей Кивинов

Революция, которая жила на крыше

© Андрей Кивинов, 2012

© ООО «Астрель-СПб», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

ВНИМАНИЕ:

В соответствии с проектом закона, внесенным на рассмотрение в Государственную Думу, чтение данной книги запрещено с 10 до 22 часов, как содержащей сцены насилия и жестокости.

Черный юмор – убежище от светлого безумия.

Витаутас Каралюс.

Литовский писатель

*Автор выражает признательность Иосифу Аполлоновичу
Каландия*

Случайности нужны Богу, чтобы сохранить анонимность.

А. Эйнштейн

– Дедушка, а ты пойдешь со мной?

– Нет, Игорек, в зал пускают только детей. Я подожду на скамейке перед театром.

– А я не хочу один.

– Ты уже большой мальчик, привыкай быть самостоятельным.

– Нет, я еще маленький. Ну пойдём...

Внук потянул меня за руку, увлекая из гардероба в фойе.

– Игорек, я уже видел этот спектакль. Подожди...

– Как ты его мог видеть? Мы же здесь первый раз.

– Я тоже когда-то был маленьким. И мой дедушка тоже ждал на улице. Такие правила. Хочешь, я куплю тебе мороженое? – Я кивнул на тележку-холодильник, которую осаждали юные зрители.

– Нет, у меня болит горло. А ты не хочешь идти, потому что спектакль плохой.

– Спектакль очень хороший, поверь мне... Видишь, никого из взрослых не пускают, – свернутой газетой я показал на двух молодых мамаш, щебетавших возле входа в зрительный зал.

– Дурацкие правила, – подвел черту внук, отпустил мою руку и, шаркая ботинками, направился к улыбающейся служительнице театра, помогавшей зрителям найти свои места.

Убедившись, что внук благополучно нашел свое кресло, я покинул театр, дошел до сквера напротив и присел на одну из скамеек, подстелив упомянутую уже газету. Что за идиотская мода у нынешней молодежи – сидеть на спинках, поставив ноги на сиденья? И отговорка типичная: «А все сидят!»

Можно было пойти прогуляться по Невскому, благо ноябрьское утро радовало безветрием и таким редким теплом. Но межпозвонковая грыжа язвительно напомнила: «Сиди уж, старый, и не дергайся. Догулялся».

Не такой, кстати, и старый. Всего пятьдесят два. Как писал Лев Толстой – точка на горе, с которой видно обе стороны – и то, что было, и то, что приблизительно будет. Может, с небольшими отклонениями.

Я соврал внуку – дед не водил меня на этот спектакль. И вообще не водил в театр, воспитывая во мне приверженца кинематографа и футбола. Но в театре я, конечно, бывал. И не только в качестве зрителя.

Боже, как же все быстро промчалось. Словно на монтажном столе у режиссера. Раз – и ты идешь в первый класс, два – и ты забираешь дочку из роддома, три – и тебе вставляют имплантат вместо выпавшего зуба и колют в задницу уколы от радикулита.

И лишь Аполлон, управляющий колесницей на фронтоне театра, вечно молодой. Никаких выпавших зубов, проблем с радикулитом и предстательной железой. Потому что божество. Хоть и языческое.

Я поднял на него глаза. «Здравствуй, приятель. Говорят, вы, боги, управляете человеческими судьбами. Извини, если обижу, но, по-моему, это полная чепуха. Иначе всем бы жилось хорошо. Ведь мы же ваши дети, а детей надо любить. Скажи вот, Аполлон Зевсович, покровитель муз, почему тогда, в восемьдесят втором, ты направил меня по ложному пути? Почему дал совершить ошибку? Может, все бы у меня сложилось по-другому. И не сидел бы я сейчас на вытоптанной грязными ботинками скамейке, а блистал бы на киноэкране или на сцене. И узнавали бы меня на улице, и брали автографы, и благодарили за то, что я есть.

А кто поблагодарит стареющего электромонтера? Разве только жильцы дома, которым поменял проводку или починил розетку. И ведь прошлых ошибок не исправишь. Не даешь ты шанса вернуться назад.

В общем, ничего ты не можешь, Аполлон Зевсович, кроме как стоять здесь со своей колесницей и подвергаться голубиным бомбардировкам».

Почему я вспомнил именно восемьдесят второй? Просто потому, что в настоящую минуту оказался в том самом месте, где находился седьмого ноября тридцать лет назад. Возле академического драматического большого-пребольшого театра.

Я перевел взгляд ниже, к колоннаде, тянущейся вдоль северной стороны здания, и заметил парня лет двадцати, уверенным шагом идущего вдоль колонн к парадному входу. Синенькая болоньевая курточка, шапочка-петушок с простеньким орнаментом, брюки, заправленные в черные резиновые сапоги... С сапогами он погорячился, на дворе не май месяц. Холщовая сумка через плечо...

Минуточку!..

У меня тоже была такая сумка! Коричневая, с надписью «Олимпиада 80» и кольцами! И такая же шапочка, подаренная бабушкой! Тогда входили в моду эти шапочки, но в магазинах их не было, и бабушка связала мне на Новый год! А куртка?! Мы с матерью объездили пол-Питера, а потом часа три стояли в очереди, чтобы купить эту куртку. Кажется, чешского производства. Через два дня мне порвали ее в троллейбусе, и батя заклеивал клеем БФ. А сапоги?! Мои ботинки тогда сперли в бассейне, и батя дал мне свои сапоги.

Да это же...

Боже мой... Это ж... Я!

А что за афиши на рекламной тумбе?

«К 65-летию Великой Октябрьской Социалистической революции. „ЛЕНИН И ОКТЯБРЬ“. Пьеса в двух частях».

А на крыше банка, где только что светилась реклама «SAMSUNG», краснеет лозунг «Да здравствует Великий Октябрь!» Да и самого банка уже нет. Обычный жилой дом.

И прохожие с кумачовыми бантиками в петличках. И воздушными шариками в руках. Строй курсантов в парадной форме.

И никаких иномарок возле театра! Два 412-х «Москвича», «Победа», покрашенная зеленой шаровой краской и «Жигули-копейка»!

И пахнувший откуда-то слева ядреный аромат безфильтровых сигарет «Прима», и появившийся во рту горьковатый вкус теплого ларечного пива!

Парень, то есть я, тем временем прошагал пружинящей походкой, не подразумевающей никакого радикулита, вдоль фасада и скрылся в театре. Я хотел броситься за ним, за собой, но боль пронзила поясницу, и я замер на лавке.

Булгаковщина какая-то... Что происходит?!

* * *

Меня встретил поясной портрет Владимира Ильича Ленина и кумачовая растяжка, украшавшая предбанник: «Великому Октябрю – великую пьесу!» Все правильно. Лозунг «Пятилетку за три года» смотрелся бы здесь не так уместно. Не завод ведь, а театр.

В фойе пара работяг развешивала вдоль стен портреты членов Политбюро и генсеков социалистических стран, словно те были ведущими актерами труппы. Леонид Ильич Брежнев, чье здоровье, по слухам, не радовало, на портрете выглядел как всегда свежо и героически. Я не художник, но заметил, что пятая медаль Героя на его необъятной груди была подрисована к четырем предыдущим.

– Ты пойми, Серый... Все это чисто субъективно. У меня приятель есть, так ему нравятся беззубые. Seriously. Хотя ты Мэрилин Монро, но если зубы на месте – сразу в архив.

– Зубы вырвать можно или выбить, а мозги не вставишь. Она ж полная дура!

– Ну тебе-то не все ли равно! Тебе ж не жениться на ней!.. Андропова давай.

– Простите, где здесь отдел кадров? – побеспокоил я рабочих.

– Вниз по лестнице и направо... Это не Андропов, это Горбачев. Андропов в очках!

– Да какая разница?

– Вот помрет Брежнев, поймешь. Слыхал, говорят, при смерти...

– Да я это каждый год слышу. Годков пять еще протянет.

Женщины и политика. О чем еще говорят мужчины?

Я сбежал по лестнице, попутно разглядывая обстановку.

Театр! Не школьная сцена и не армейский клуб! Тени великих актеров, гул зала, свет софитов, аплодисменты, кашель зрителей, пыль портьер... Магия. «Ах, этот вечер – лукавый маг...»

Нужную дверь я нашел сразу, без подсказок, потому что она была здесь единственной. Постучал, толкнул, вошел.

– Здравствуйте... Мне Екатерину Михайловну.

В кабинете было три стола, два из которых пустовали.

– Слушаю.

Голос у дамы твердый как камень, из которого высечен Аполлон. Да и вид как у нашей школьной директрисы: двоечников и хулиганов – на плаху! И как у нашего армейского старшины. Разве что старшина не носил парик.

– Моя фамилия Светлов. Максим. Вам звонили... Насчет работы.

Магическое слово «звонили» мгновенно превращает злого старшину в добрую фею из «Золушки».

– Да-да... Проходи, присаживайся.

Я поставил сумку на сильно потертый линолеум и уселся на сильно скрипучий стул. Кадровочка передвинула на край стола недопитый чай и блюдечко с маковыми сушками. Ничто человеческое не чуждо и людям искусства.

– А почему к нам, если не секрет? С работой в стране вроде напряженки нет.

– Ну просто... Это бабушка посоветовала. Я летом в театральный поступал... Не поступил... Конкурс... На будущий год снова попробую. А пока здесь кем-нибудь поработаю, атмосферой пропитаюсь, с актерами познакомлюсь... Вникну в курс, так сказать...

– Атмосферой... Знакомо... Ты не первый. Как с этим делом? – Екатерина Михайловна звонко щелкнула по напудренному подбородку, сразу перейдя к сути.

Странно, когда перед армией я устраивался на работу в жилконтору, первым мне задали тоже именно этот вопрос.

– В разумных пределах... За столом.

– Тут все в разумных.

Судя по обреченности, с которой была произнесена последняя фраза, проблема пьянства в творческом коллективе стояла настолько остро, что на нее давно махнули рукой.

– А хоть какой-нибудь театральный опыт имеется?

– В школе... Драмкружок, потом в армии. Концерт к 23 февраля и фрагмент из пьесы «На дне».

Екатерина Михайловна посмотрела на меня с нескрываемым сочувствием, если не сказать – с озабоченностью. Такое выражение лица характерно для командира взвода пехоты, увидевшего в бинокль приближение вражеской танковой дивизии.

– Ну хотя бы в армии отслужил...

Я ей не соврал. Не насчет пьесы и драмкружка, а насчет алкоголя. К нему действительно относился спокойно. В силу чего в кругу многих своих знакомым прослыл слабаком, которому до отключки хватает стакана крепленого портвейна. Ну да, не скрою – имелся печальный опыт. Потому что из горлышка, в подъезде и без закуски. В пятнадцать-то лет. Кто не отключится? Хорошо, подъезд был собственный.

И насчет желания стать артистом не слухавил. Бабушка поспособствовала. И в драмкружок привела, и по театрам таскала. В итоге наставила на путь истинный. Теперь я мечтал попасть на сцену, как ни пафосно это звучит. И даже разошелся с Ирккой, считавшей, что настоящий мужик не должен кривляться перед толпой. Мол, когда-то актерская профессия была одной из самых непрестижных, в артисты шли только лентяи и неудачники. Но авторитет бабушки перевесил авторитет Ирки. Кто такая Ирка? Кино, дискотека, группа «Чингисхан», Рикардо Фольи и поцелуи на диване. А бабушка – это все, начиная от соплей, заканчивая армейским рюкзаком новобранца. И сегодня здесь я по ее протекции. Нашлись связи.

– Комсомол, партия?

– Комсомол... В армии вступил.

– Хорошо... А то тут у нас...

Дама не договорила, но я понял. Беспартийным и некомсомольцам в места массового окультуривания устроиться сложно.

– Сколько тебе?

– Двадцать один... С половиной.

– Специальность есть?

– До армии в жилконторе нашей работал. Помощником электрика.

– Худенький ты какой-то... Двадцать кило-то поднимешь?

Я не очень понял, какое отношение мое телосложение имеет к театральной деятельности.

– Подниму... А зачем?

– Ты что думаешь, тебя монолог Чацкого читать выпустят? Тут у нас дипломированные актеры годами «Кушать подано» играют. Ну-ка, встань.

Я послушно поднялся. Кадровичка осмотрела меня словно тренер, отбирающий среди новичков самого перспективного. Хорошо, зубы не попросила показать.

– Маловат... Бутафорщиком бы тебя или верховым, но все занято... У нас на сценариста вакансия, прошлого посадили за валюту... Но там опыт нужен.

– Да, – согласился я, – с сочинениями у меня в школе не очень хорошо было. И сценарии это совсем не мое.

– Сценарист и не пишет сценарии, на это драматурги есть. Это человек, отвечающий за порядок выхода актеров на сцену. По громкой связи.

Мне стало стыдно за свое невежество, но я не покраснел.

– В общем, могу предложить только монтировщиком сцены. Хотя с твоей комплекцией... Представляешь, что это такое?

– Ну, наверно, декорации менять.

– Правильно... Только не просто менять... Но и на машину грузить. А здесь силушка нужна. Немалая. Грузить приходится собственными ручками.

Как будто у меня есть чужие...

– А они тяжелые? Декорации?

– Некоторые и вчетвером не поднять... Работа сменная, сутки одна бригада, сутки другая. Когда аврал, работают сверхурочно. Начало в семь утра. Разбираете декорации с вечернего спектакля, грузите на шаланду. Шаланда уходит на склад, вторая привозит декорации для утреннего спектакля. Разгружаете и монтируете. Надо уложиться до одиннадцати. После утренника опять разбираете и грузите. Потом разгружаете хозяйство для вечернего спектакля и снова монтируете. В общем, девяносто процентов тяжелого физического труда.

– А десять?

– Десять – легкого... Иногда приходится помогать бутафорщикам. Это люди, отвечающие за интерьер на сцене... Насчет сближения с актерами... Они люди с другой планеты и с рабочими стараются не общаться. Даже в буфете. Здесь смотри сам. Теперь о главном. Зарплата неплохая. Сто восемьдесят оклад, плюс прогрессивка, плюс премиальные, плюс тринадцатая. В месяц выходит по двести пятьдесят. Аванс пятого, остальное двадцать пятого.

Ого! В жилконторе я получал сто десять плюс мелкие чаевые. Моя мама пятнадцать лет сидит в НИИ на ста тридцати рублях. А здесь сразу на сотню больше!

– Устроит?

– Вполне!

– Трудовая с собой?

– Конечно. – Я вытащил из куртки паспорт, трудовую книжку и комсомольский билет, сцепленные черной резиночкой.

– Бери бумагу, пиши заявление... Образец под стеклом. Да... Вот еще... Ты на учете в ПНД не состоишь? В психоневрологическом диспансере...

– Нет. К счастью.

– После справку принеси. Сейчас требуют. Это на всякий случай... У нас один был тут... Тоже рабочий. Попросили во время утренника пройти с фонариком за занавесом. Светлячка изобразить. Туда-сюда. Занавес полупрозрачный – человека не видно, только фонарик. Он и прошел. Но не сзади, а по сцене – перед занавесом. В рабочей спецовке. И не просто прошел, а с веселым танцем. Дорвался. А когда мальчик с первого ряда спросил у мамы – кто это, он песенку спел. Светлячок – чок-чок. А потом выяснилось, что шизофреник со стажем... А как без справки разберешь? Давай пиши.

Я тщательно скопировал заявление, вписав свои данные.

– Так, Максим... Рабочую одежду захвати свою, твоего размера может не быть. Обязательно купи рукавицы. Сейчас ступай в зал, там найди Виктора Степановича. Это помощник

режиссера. Ваш царь и бог. Представишься, он скажет, когда выходить на работу. И умоляю – никаких привальных и «простав». Народ здесь ушлый, сразу в оборот возьмет.

– Не волнуйтесь, Екатерина Михайловна, я же не пью.

– Да тут все так говорят...

Помощник режиссера Виктор Степанович, которого я по подсказке Екатерины Михайловны нашел в зале, тоже встретил меня уже знакомым вопросом:

– Пьешь?

Причем вопрос был задан шепотом, но не потому, что помреж чего-то опасался. Просто его горло, словно удав, обвивал пестрый махровый шарф.

Неужели я так похож на алкаша? А в сумке не книжка Моэма, а бутылка бормотухи. У них тут, похоже, не театр, а какой-то лечебно-трудовой профилакторий. Или кабинет нарколога. Так и хочется признаться: «Пил, пью и буду пить».

– Ничего крепче кефира.

– Ладно, посмотрим...

Ну точно – нарколог! Он прямо сейчас собрался смотреть? Надеюсь, раздеваться не надо?

Я вспомнил, что видел Виктора Степановича в каком-то телевизионном кино или спектакле. В эпизодической роли. Тогда на нем не было очков с толстенными стеклами, от которых глаза походили на гигантские пуговицы. Он немного напоминал артиста Калягина из «Вашей тети», только залысины поменьше. А так такой же круглый. И на голову, и на тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.